
Н.Ю. Лимберис,
И.И. Марченко¹

КОМПЛЕКСЫ С АМФОРАМИ «ПРИКУБАНСКОЙ» СЕРИИ
ИЗ МОГИЛЬНИКОВ ГОРОДИЩ
СТАРОКОРСУНСКОГО № 2 И ХУТ. ЛЕНИНА № 3²

Аннотация: в меотских могильниках правобережья Кубани часто встречаются амфоры «прикубанской» серии, центр производства которых не установлен. Амфоры, как правило, сопровождаются разнообразным инвентарём, однако надёжно датирующиеся предметы встречаются редко. Основной составляющей керамического комплекса являются лепные и сероглиняные сосуды местного производства, на которые опирается хронология погребений. Широкая датировка погребений с амфорами *варианта II-A* не выходит за пределы второй половины II в. до н.э., узкая, с амфорами *варианта II-B*, ограничивается последней четвертью этого столетия. Морфологическое и технологическое сходство амфор с красноглиняной керамикой позволяет сделать осторожное предположение о связи этой серии амфор с центрами Азиатского Боспора.

Ключевые слова: Прикубанье, меотская культура, грунтовый могильник, амфоры, керамика, хронология.

N.Yu. Limberis,
I.I. Marchenko¹

ASSEMBLAGES WITH AMPHORAE OF THE “KUBAN” SERIES FROM
THE BURIAL GROUNDS OF THE SETTLEMENTS OF STAROKORSUNSKAYA NO. 2 AND
LENIN FARM NO. 3

Abstract: in the Maeotian burial grounds on the right bank of the Kuban river, amphorae of the “Kuban” series are often found. The place of manufacture of these amphorae is unknown. Amphorae are usually accompanied by a variety of implements, but reliably dated items are rare. The main component of the ceramic assemblage is molded and grey-clay vessels of local production, on which the chronology of the burials is based. The extensive dating of the burials with amphorae *variant II-A* does not go beyond the second half of the II century B.C., narrow, with amphorae *variants II-B*, limited to the last quarter of this century. The morphological and technological similarity of amphorae with red-clay pottery allows us to make a careful assumption about the connection of this series of amphorae with the centers of the Asian Bosphorus.

Keywords: Kuban river region, Maeotian culture, burial ground, amphorae, pottery, chronology.

Среди материалов меотских памятников правобережья Кубани наше внимание всегда привлекали небольшие красноглиняные амфоры неизвестного центра, так как обычно они входят в состав инвентаря довольно богатых захоронений, в том числе, воинов и всадников, сопровождавшихся оружием, принадлежностями конской упряжи и разнообразной керамикой местного производства (Лимберис 1988: 53, рис. 6, 7).

¹ Лимберис Наталья Юрьевна, старший научный сотрудник НИИ археологии Кубанского государственного университета, 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Научный сотрудник института археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета, 410012, Саратов, Россия, Астраханская ул., 83, limberis2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0395-315X>.

Марченко Иван Иванович, кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета, 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Научный сотрудник института археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета, 410012, Саратов, Россия, Астраханская ул., 83, meot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7319-5214>.

² Графическая, фотофиксация и изучение амфор выполнены за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00096), Саратовский госуниверситет. Фиксация и исследование меотской керамики выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-00134), Кубанский госуниверситет.

В 2011 г. нами, совместно с С.Ю. Монаховым, подобные амфоры были объединены в особую серию, получившую название «прикубанской» (Лимберис и др. 2011; Limberis et al. 2013). В этой серии, насчитывавшей к тому времени уже 22 амфоры, по морфологическим признакам были выделены три типа сосудов и кратко обоснована их хронология. Основным материалом (21 амфора), давший название всей серии, происходит из двух меотских памятников Прикубанья – могильников городищ Старокорсунского № 2 (СК-2) и хут. Ленина № 3 (Л-3). Главной трудностью для разработки хронологии было практически полное отсутствие среди инвентаря погребений надежно датирующихся предметов. В меотских погребениях «прикубанские» амфоры ни разу не были встречены совместно с другой амфорной тарой. Однако первая находка амфоры этой серии из погребения № 237 некрополя Танаиса (по нашей типологии – **тип I** «танаис», представленный до сих пор единственным экземпляром) сопровождалась сразу двумя амфорами иных центров производства (синопской неклеименой варианта III-C и родосской с клеймом магистрата Архелаида), по которым узкая хронология комплекса была уточнена в пределах 160-х годов до н.э., а широкая ограничена второй четвертью столетия (Монахов 1999: 555–557, табл. 233; Лимберис и др. 2011: 266). Амфоры из меотских памятников, большая часть которых (14 экз.) была ранее нами опубликована в полном контексте материала погребений, продатированы по сопутствующему инвентарю, главным образом, по типам местной сероглиняной керамики. С учётом морфологии амфор, наиболее ранние погребения были нами отнесены ко второй четверти II в. до н.э., поздние – к последней четверти этого столетия (Лимберис, Марченко 2005: 228–229). Самым многочисленным оказался **тип II** «старокорсунский», разделенный на варианты А, В и С, к которому принадлежит 19 амфор, в то время как **тип III** «хуторской» представлен всего двумя экземплярами (Лимберис и др. 2011: 266–272).

В настоящей работе мы хотим подробно остановиться на хронологии тех комплексов с амфорами «прикубанской» серии, которые ранее не были изданы в полном контексте сопровождающего инвентаря. Из них к *варианту II-A* относятся две амфоры из погребений Л-3 № 13 и № 30, к *варианту II-B* – три амфоры из погребений СК-2 № 291в, Л-3 № 38 и № 67 (Лимберис и др. 2011: 267–268, 269–270, № 5, 6, 12–14). Кроме того, на указанных меотских памятниках за прошедшее время было открыто еще по одному погребению с амфорами этой серии: СК-2 № 345в (*вариант II-A*) и Л-3 № 83/86 (*вариант II-B*).

Инвентарь, сопутствовавший амфорам, как правило, довольно многочисленный, и представлен, как уже отмечалось, разными категориями предметов. Основной составляющей керамического комплекса являются лепные и сероглиняные сосуды местного производства, причем некоторые формы могут подсказать вполне конкретную хронологическую привязку погребения.

В первую очередь, к таким сосудам относятся сероглиняные канфары, типы которых сложились в меотской среде в результате переработки классической формы греческого чернолакового канфара.

Канфар чашевидной формы на высоком коническом полуме поддоне был встречен в погребении СК-2 № 291в (рис. 1 -7). Этот тип сосудов для вина, скорее всего, появился у меотов еще в III в. до н.э. и бытовал до конца следующего столетия. Совершенно аналогичный по форме сосуд из погребения № 149 могильника городища Спорное был найден совместно с родосской амфорой с магистратским клеймом Содама 195 г. до н.э. (Бочковой и др. 2005: 173, рис. 16; Лимберис, Марченко 2005: 237, хронол. табл.). Несколько хорошо датирующихся комплексов последней четверти – конца II в. до н.э. с чашевидными канфарами есть в Старокорсунском могильнике № 2. Надежными хронологическими привязками для них являются также клейменные родосские амфоры и «мегарские» чаши (Лимберис, Марченко 2005: 227, 229, 237–238, рис. 26, 35, 36 -4, 5).

Позже у меотов широкую популярность приобрели канфары колоколовидной формы на кольцевом поддоне (как в погребениях Л-3 № 13 и № 30), которые пришли на смену чашевидным канфарам где-то в середине последней четверти II в. до н.э. (рис. 3 -3, 4 -3). Они нередко сопровождают погребения с амфорами «прикубанской» серии, а также были встречены совместно с родосским клеймом эпонима Эванюра 119 г. до н.э. и «мегарской» чашей со штампом мастера Филона (Лимберис, Марченко 2005: 228–229, 238, рис. 23, 24, 27, 40 -5, 7, 44 -7, 8, 50, 51).

Погребения с морфологически близкими канфарами (тип III) из меотского Тенгинского могильника в Закубанье исследователи относят, в основном, к первой половине II в. до н.э. (Беглова, Эрлих 2018: 143, рис. 169 -5–8). Широко представлены они и в периферийных памятниках азиатского Боспора (некрополи Раевского городища и Широкой Балки), где традиция изготовления подобных сосудов (форма III), по наблюдениям исследователей, прослеживается примерно со второй половины II в. до н.э. до середины III в. н.э. (Мальшев 2007: 152, рис. 100; 2011: 251, рис. 19). Материалы этих некрополей демонстрируют преобладание и устойчивость боспорских элементов в керамике, которую использовало в погребальном обряде местное население.

В погребении СК-2 № 291в была найдена сероглиняная кружка с округлым туловом и широким горлом (рис. 1 -6). В правобережных могильниках эта форма характерна для II в. до н.э. В погребениях более раннего времени, как и в более поздних, такие кружки пока не встречались. Морфологически близкие кружки происходят из комплексов с родосскими амфорами. Одна – из упомянутого уже погребения № 149 начала II в. до н.э. могильника городища Спорное (Бочковой и др. 2005: 173, рис. 17 -2), еще две – с клейменными родосскими амфорами третьей четверти II в. до н.э. – из могильника городища № 3 хут. Ленина (Лимберис, Марченко 2005: 226–227, 236, рис. 45 -6, 8, 48 -7, 11). Аналогичная кружка из погребения № 49/1938 г. относится к третьей хронологической группе III – начала I в. до н.э. Усть-Лабинского могильника № 2 (Анфимов 1951: 174, рис. 7 -9). С датой погребения № 174 из Тенгинского могильника, где была найдена кружка этого типа, исследователи окончательно не определились. Этот комплекс, вроде бы, выделен в раннюю хронологическую группу III в. до н.э. (середина – третья четверть), но его датировка по кружке – первая половина II в. до н.э. (Беглова, Эрлих 2018: 135, 141, 175, рис. 167 -1, 199).

Сероглиняные чашечки с крышками (рис. 2 -6, 4 -7), найденные в погребениях СК-2 № 345в и Л-3 № 30, вероятно, могли использоваться как светильники для подвешивания, о чем свидетельствуют маленькие горизонтальные ручки-«ушки» и отверстие в центре крышки. Крышки иногда находят без чашечек, как в погребении СК-2 № 291в (рис. 1 -5), или в комплексе с другими сосудами. Чашечки, как с крышками, так и без них, использовались меотами в погребальном обряде на протяжении всего II в. до н.э. и, вполне возможно, «заходили» в I в. до н.э. В погребениях они встречаются часто, в том числе, с родосскими импортами (лагинсом, клейменными амфорами) и «мегарскими» чашами, на которых основывается их хронология (Лимберис, Марченко 2005: 239, рис. 18 -2, 3, 5, 25 -5, 9, 26 -2, 6, 9, 27 -2, 9, 46 -2, 5). Подобные чашечки и крышки неоднократно были отмечены в погребениях третьей хронологической группы III – начала I в. до н.э. Усть-Лабинского могильника № 2 (Анфимов 1951: 177, рис. 9 -9–17). В Тенгинском могильнике аналогичные крышки накрывали «кастрюли» в погребениях № 13 и № 215, предположительно датирующиеся в рамках II в. до н.э. (Беглова, Эрлих 2018: 136, 143, рис. 173 -1, 2).

Миски сероглиняные, неизменно входящие в состав инвентаря меотских погребальных комплексов, безусловно, нельзя считать надежным материалом для узкого датирования. Однако некоторые детали оформления этих сосудов всё-таки могут рассматриваться как хронологические ориентиры.

Из комплекса СК-2 № 345в происходит миска с широким выступающим венчиком, орнаментированным зигзагом (рис. 2 -7). Такие миски редко встерчаются в меотских могильниках, но имеют достаточно твердую хронологическую привязку, благодаря характерному венчику с

прочерченным или штампованным орнаментом, который встречается сравнительно регулярно на маленьких чашечках той же морфологии, что и миски. Иногда их сопровождают «прикубанские» амфоры. Аналогичная миска найдена в погребении СК-2 № 475з последней четверти II в. до н.э. с амфорой *варианта II-A* (Лимберис, Марченко 2005: 229, 235, рис. 39 -7, 50 -10, 51 -6; Лимберис и др. 2011: 268, № 8).

Миски из других рассматриваемых нами комплексов представлены типами, широко распространенными на разных этапах меотской культуры. Особенно популярными были миски с остросереберным бортиком. Модификаций же оформления бортиков и венчиков насчитывается не один десяток, поэтому узкая хронологическая интерпретация вариантов затруднена (Каменецкий 1994: 7, рис. 2–38; Лимберис, Марченко 2005: 234). Удачная находка одинаковых мисок со слабо прогнутым бортиком с заметно выступающим ребром и немного утолщенным венчиком, входящих в состав керамических комплексов СК-2 № 291в, Л-3 № 38 и № 67 (рис. 1 -11, 5 -2, 8), дает возможность примерно ограничить хронологию этого варианта в пределах второй половины II в. до н.э. Миска с бортиком такой же профилировки была найдена в Тенгинском могильнике, в погребении № 13 II в. до н.э. вместе с упоминавшейся уже «кастрюлей», накрытой крышкой с отверстием (Беглова, Эрлих 2018: 143, рис. 12 -5), характерной, в том числе и для подвесных, типично меотских, светильников.

В аналогичной профилировке бортика сероглиняной миски из погребения № 26 Раевского некрополя, как считает А.А. Малышев, «угадываются» черты римской сигилляты. Миска на этом основании была предположительно датирована I в. до н.э., при том, что комплекс в целом отнесен ко II в. до н.э. (Малышев 2007: 38–39, 148, рис. 25 -1). Хронология мисок с бортиком этого варианта из меотских погребений не подтверждает предполагаемой связи данной формы с римской сигиллятой. По основным технологическим и морфологическим признакам – это местная форма, в которой вряд ли нужно искать следы античного влияния, так как сероглиняные миски с прогнутым бортиком имеют реальные прототипы в чернолощеной раннемеотской керамике (Лимберис, Марченко 2012а: 41, рис. 22 -12, 13).

Датировка раевского комплекса, по всей видимости, опирается на присутствие в погребении «небольшой» синопской амфоры, которая по типологии С.Ю. Монахова была сопоставлена с фракционным типом III-B второй половины III в. до н.э. (Монахов 2003: 153, 159, табл. 103 -7), но, как предполагает А.А. Малышев, «отсутствие клейм, возможно, указывает на более позднюю дату» (Малышев 2007: 159, рис. 25, 3). Профилировка этой амфоры, кстати, довольно близка «прикубанским» *варианта II-A* (Лимберис и др. 2011: табл. 2, 3).

Миска с коротким вертикальным бортиком и слегка отогнутым валикообразным венчиком (рис. 4 -5) из погребения Л-3 № 30 относится к одному из наиболее распространенных у меотов варианту, возможно, наиболее характерному для II в. до н.э., так как позднее преобладают миски со скошенным или нависающим формованным венчиком (Каменецкий 1994: 11, вариант 11; Лимберис, Марченко 2005: 234).

Миски с округленным бортиком, типа найденной в погребении Л-3 № 13, обычны для погребений второй – третьей четвертей II в. до н.э. В этот период они встречаются параллельно с красноглиняными мисками, как принято считать, боспорского производства (Лимберис, Марченко 2005: 234). Данный экземпляр отличается от других сероглиняных и красноглиняных мисок слабо выступающим валикообразным венчиком (рис. 3 -4).

Миски красноглиняные из погребения Л-3 № 67 (рис. 5 -6, 8–10) как раз и относятся к массовой боспорской продукции. Эта форма, главным признаком которой является загнутый округленный бортик, очень консервативна и весьма характерна для эллинистической эпохи. Изменения касаются, главным образом, оформления кольцевого поддона, который, в отличие от экземпляров из погребения Л-3 № 67, всегда хорошо выражен. Слабо выраженный кольцевой и,

тем более, сплошной поддон встречается крайне редко. Тем не менее, насколько можно судить по многочисленным аналогиям из эллинистического Раевского некрополя (Малышев 2007: 142, 147–148), хронологию этих изменений без скрупулезной типологии и тщательного анализа проследить практически невозможно. Использование красноглиняных сосудов (не только мисок, но и кружек, кувшинов) обычно для меотского погребального обряда II в. до н.э., хотя их, по сравнению с местной сероглиняной керамикой, намного меньше.

Основным (и практически единственным) типом кухонных горшков в IV–I вв. до н.э. у меотов правобережья Кубани были сосуды бочковидной формы с плавно загнутым краем, как лепные, так и подправленные, или полностью сформованные на гончарном круге. Гончарный круг для изготовления горшков этого типа стал применяться примерно со второй четверти II в. до н.э. (Лимберис, Марченко 2005: 240). Такие горшки, подправленные на круге, были найдены в погребениях СК-2 № 291в и № 345в, Л-3 № 13 и № 30 (рис. 1 -13, 2 -9, 10, 3 -7, 4 -8). По материалам Усть-Лабинского могильника № 2 для погребений III – начала I в. до н.э. этот тип горшков уже не является столь характерным, так как появились горшки с отогнутым краем (Анфимов 1951: 171–172). Но, скорее всего, это наблюдение можно считать верным лишь для конца обозначенного периода. В левобережных меотских памятниках, как заметили исследователи, массовое распространение горшков с плавно загнутым краем (тип 2 «с невыраженным венчиком» из Тенгинского могильника) начинается только с конца IV в. до н.э. Бытуют же они в среде местного населения вплоть до первых веков н.э. (Беглова, Эрлих 2018: 137, рис. 160, 199).

Сероглиняный горшок с округлым туловом и коротким широким горлом (рис. 1 -12) из комплекса СК-2 № 291в относится к типу кухонных сосудов, появившемуся в правобережных меотских памятниках в последней четверти II в. до н.э. На эту дату указывают находки сероглиняных и красноглиняных сосудов этой формы в погребениях с клейменными родосскими амфорами и «мегарскими» чашами (Лимберис, Марченко 2005: 227, 228, 240, рис. 26 -10, 27 -3, 44 -9). В Усть-Лабинском могильнике № 2 подобные сероглиняные горшки относятся к третьей хронологической группе III – начала I в. до н.э. (Анфимов 1951: 180, 182, рис. 8 -9, 11). В Закубанье единственный сероглиняный экземпляр аналогичной профилировки из погребения № 164 Тенгинского могильника датируется III в. до н.э. (Беглова, Эрлих 2018: 135, 175, рис. 99 -3, 175 -12, 199).

Маленький сероглиняный горшочек (рис. 5 -7) из погребения Л-3 № 67 представляет собой «сквозную» форму, применение которой в погребальном обряде правобережных меотов надежно зафиксировано с IV в. до н.э. по амфорной таре. Но для II в. до н.э. такие сосуды – редкая находка. И только в одном, упоминавшемся выше, погребении № 149 из могильника городища Спорное горшочек близкого типа был найден вместе с клейменной родосской амфорой самого начала второго столетия (Бочковой и др. 2005: 172–173, рис. 5 -1, 13 -1, 17 -3, 23 -2). Позднее подобные миниатюрные сосудики стали чаще использоваться меотами. Они весьма характерны для могильников Краснодарской и Усть-Лабинской групп памятников. «Горшочки» из Усть-Лабинского могильника № 2 относятся к I в. до н.э. – II в. н.э. (Анфимов 1951: 194, рис. 17 -1, 8, 9). В погребении № 133 могильника городища Спорное сосуд этой формы был найден с фибулой типа Авцисса первой половины I в. н.э. (Лимберис, Марченко 2019: 205, рис. 3 -7).

В левобережных некрополях однотипные горшочки («кубышки»), характерные для погребений VI–III вв. до н.э., также встречаются и в более поздний период, включая I в. н.э. (Беглова 1989: рис. 4 -1; Беглова, Эрлих 2018: 144, рис. 13 -4, 60 -15, 127 -15, 146 -16, 171 -1, 2, 199). Широко применялись такие сосуды и в погребальном обряде племен, населявших причерноморскую зону. Здесь они связаны с комплексами эллинистического и римского времени II в. до н.э. – II в. н.э. (Малышев 2007: 158, рис. 73 -5, 78 -5, 93 -2; 2008: 146–147, рис. 108; 2011: 261–262, рис. 226).

Курильницы лепные узкогорлые (рис. 1 -3, 2 -8), встреченные в погребениях СК-2 № 291в и № 345в, широко использовались в погребальном обряде меотов, населявших правобережные

городища. В свое время нами была предложена их типология и хронология. Курильница из погребения СК-2 № 291в по пропорциям относится к подтипу ША, совокупная датировка которого определяется в пределах последней четверти III – третьей четверти II в. до н.э. (Лимберис, Марченко 2005: 241, рис. 15 -14, 48 -16; 2006а: 136, 139, рис. 5 -1, 2, 8). Курильница из погребения СК-2 № 345в соответствует подтипу ШБ, который по разным меотским комплексам был нами датирован серединой III–II в. до н.э. (Лимберис, Марченко 2005: 241, рис. 19 -7, 46 -8, 49 -3; 2006а: 136, 139–140, рис. 5 -4–10, 8).

У меотов Закубанья чаще встречаются курильницы, изготовленные на гончарном круте (как сероглиняные, так и красноглиняные), а лепные – достаточно редки. Такие сосуды (типы 1, 2, 3) довольно характерны для погребений второй половины III – начала I в. до н.э. Тенгинского могильника (Беглова, Эрлих 2018: 144, 175–176, рис. 172, 199), но основное время их бытования, по-видимому, приходится на II в. до н.э. Подобный сероглиняный «горшочек» из погребения № 19 II в. до н.э. Раевского некрополя был найдена вместе с амфорой, по мнению А.А. Малышева, напоминающей (по фотографии) «амфоры, обнаруженные в погребениях Прикубанья и Подонья» (Малышев 2007: 29–29, 158–159, рис. 16, 17 -7), т.е. нашу «прикубанскую» серию.

В двух из рассматриваемых в данной статье погребениях присутствовало железное оружие. Копья – основной вид вооружения меотского воина. Наконечник копья из погребения Л-3 № 13 относится к отделу II, типу 4, подтипу IV, варианту 2 по нашей классификации (рис. 3 -5). Характерным признаком этого типа листовидных наконечников копий, являются округленные сверху края пера на стыке с втулкой. Наконечники этого подтипа (с ребром жесткости) с короткой втулкой (вариант 1) происходят из погребений II–I вв. до н.э., а единственный экземпляр с длинной втулкой (вариант 2) относится к I в. н.э. (Лимберис, Марченко 2006б: 161, 163, рис. 2). Наконечники копий присутствуют во многих погребениях с амфорами «прикубанской» серии, но типологического единообразия среди найденных экземпляров нет. Большинство наконечников объединяет листовидная форма пера с ребром жесткости (отдел II, подтип IV), а «гладкие» наконечники встречаются редко (Лимберис, Марченко 2005: 228–229, рис. 16 -13, 19 -4, 5, 38 -8, 39 -3, 41 -3, 50 -5, 51 -7). По нашим наблюдениям, наконечники разных типов с ребром жесткости, известные с раннемеотского периода, стали особенно широко использоваться на правобережье Кубани именно со II в. до н.э. (Лимберис, Марченко 2006б: рис. 2). В Тенгинском могильнике наконечники с ребром жесткости и «гладкие» в равной степени характерны для погребений второй и третьей хронологических групп конца III – начала I в. до н.э. (Беглова, Эрлих 2018: 151–152, рис. 181).

В погребениях II в. до н.э. наконечники копий нередко сочетаются в одном комплекте вооружения с наконечниками дротиков. Дротики относятся к виду метательного оружия, которое меотские воины использовали для ведения боя с IV в. до н.э., вплоть до первых веков н.э. Широко распространенным типом были наконечники с треугольным пером с острыми опущенными концами разной длины – тип III по нашей классификации (Лимберис, Марченко 2012б: 411–413, рис. 1 -7–14). Комплект из шести наконечников этого типа происходит из погребения СК-2 № 291в (рис. 1 -8, 9, 15). Все они относятся к подтипу ШБ (с удлинённым жаловидным пером), который появился где-то в середине – второй половине III в. до н.э. и часто встречается в погребениях II в. до н.э., в том числе, с амфорами (клеёмёной родосской и «прикубанской» серии) и другими импортами (Лимберис, Марченко 2005: рис. 16 -5, 39 -2, 46 -11, 13, 14, 50 -2–4, 52 -3; Marčenko, Limberis 2007: 387, kat.-Nr. 131, taf. 141). Признаками, особенно характерными для наконечников II в. до н.э., являются очень узкая треугольная головка с низко опущенными жальцами и длина, как правило, более 30 см, что и отличает их от более поздних экземпляров этого подтипа из комплексов I в. до н.э. – I в. н.э. (Лимберис, Марченко 2012б: 412–413, рис. 1 -8–10). Наконечники дротиков подтипа ШБ известны в погребениях третьей хронологической группы

III – начала I в. до н.э. Усть-Лабинского могильника (Анфимов 1951: 182, рис. 12 -4). В Тенгинском могильнике такие наконечники дротиков являются основным видом оружия в воинских погребениях, попадающих в хронологические группы середины III – начала I в. до н.э., но отсутствуют в погребениях первых веков н.э. (Беглов, Эрлих 2018: 153–154, рис. 182 -9–21).

Как видим, оба вида колющего и метательного вооружения, как правило, не имеют четко выраженных хронологических признаков и поэтому могут выступать в качестве относительного хроноиндикатора лишь в погребениях, где нет керамики и другого датирующего инвентаря.

Погребения с амфорами «прикубанской» серии иногда сопровождаются бронзовыми зеркалами, характерных для местного населения типов. В погребении № 13 Л-3 было найдено тонкое кованое зеркало с треугольной ручкой, без фестонов и орнамента (рис. 3 -2). Подобные зеркала (тип IV, вариант 1) из сарматских и меотских погребений Прикубанья И.И. Марченко ранее датировал последней четвертью III–II в. до н.э. (Марченко 1996: 17–19, рис. 3). Новые материалы (в основном, из меотских памятников), появившиеся за прошедшие десятилетия, пока не опровергли эту хронологию. В меотских могильниках правобережья Кубани орнаментированные и неорнаментированные зеркала без фестонов по сторонам ручки характерны для погребений II в. до н.э. Практически идентичные неорнаментированные экземпляры были найдены в погребениях № 149 могильника городища Спорное, хронология которого ограничивается первой четвертью столетия, и СК-2 № 278з, относящегося к четвертой четверти (Бочковой и др. 2005: 173, рис. 18 -3, 6; Лимберис, Марченко 2005: 227, 228–229, рис. 16 -4, 27 -6, 44 -5, 48 -10, 52 -12).

В Тенгинском могильнике, исследователи которого придерживаются для зеркал типологической схемы и хронологии И.И. Марченко, большинство зеркал первого варианта типа IV происходят, главным образом, из погребений второй хронологической группы конца III – первой половины II в. до н.э. и только три погребения с такими зеркалами вошли в третью хронологическую группу второй половины II – первой четверти I в. до н.э. (Беглова, Эрлих 2018: 161–162, 175–176, рис. 189 -1–3). Зеркала этого типа без фестонов из могильника Псенафа В.Р. Эрлих выделил в вариант 1а и немного расширил их хронологические рамки – с конца III по I в. до н.э. Верхняя дата опирается на материалы погребения (или скопления?) № 48, где подобное зеркало, заметно отличающееся от других экземпляров этого варианта длинной прямоугольной ручкой с двумя отверстиями, было встречено вместе с зеркалом-подвеской и золотой серьгой в виде бутона (Эрлих 2015: 309–310, рис. 5 -6; Древности... 2014: кат. 163, 206).

Единственное аналогичное (неорнаментированное) зеркало из Раевского некрополя происходит из погребения № 50 второй половины II в. до н.э. (Мальшев 2007: 78, 176, рис. 52 -8).

В погребениях СК-2 № 345в и Л-3 № 30 вместе с амфорами «прикубанской» серии были найдены маленькие (диаметр – 6,2 см и 7,2 см соответственно) дисковидные литые зеркала без ручки (рис. 2 -2, 4 -4). Такие зеркала (третий тип, диаметр – 7–9 см) впервые были найдены в Усть-Лабинском могильнике: в погребениях третьей хронологической группы III – начала I в. до н.э. (Анфимов 1951: 186, рис. 13 -2). Появившиеся позднее материалы из сарматских и меотских памятников Прикубанья позволили ограничить основной период бытования этих зеркал (тип V, вариант 1) II–I вв. до н.э., так как за эти рамки не выходили немногочисленные комплексы с узкими датировками (Марченко 1996: 19, рис. 3). В настоящее время наиболее ранним меотским комплексом с зеркалом этого типа (диаметр – 9 см) является погребение № 381в с двумя квидскими амфорами из могильника Старокорсунского городища № 2, исследованное нами в 2020 г. Одна из амфор – фракционная, и, на данный момент, совершенно уникальная. Вторая относится к типу II, пифоидному варианту (II-B), ранней серии (II-B-1), широкая хронология которого достаточно твердо определяется в пределах последней трети IV – начала III в. до н.э. (Монахов 2003: 106–107, 110, табл. 73).

Однако мы до сих пор не имеем надежно датированных комплексов первой половины II в. до н.э. с такими зеркалами. Материалы из Закубанья также не могут уточнить хронологической ситуации. Единственное литое зеркало из Тенгинского могильника было найдено в погребении № 261 второй половины II – первой четверти I в. до н.э. (Беглова, Эрлих 2018: 162, 176, рис. 188 -8). Между тем, во второй половине столетия у меотов уже бытуют зеркала этого типа с прокованным диском (вариант 2), лицевая поверхность которых, как правило, посеребрена. Такое зеркало (диаметр – 8,7 см) происходит из погребения СК-2 № 384в (рис. 6 -4), которое можно широко датировать второй половиной II в. до н.э. по типам местной керамики: горшок с плавно загнутым краем, изготовленный на медленном круге, чашечка с горизонтально отогнутым краем (Лимберис, Марченко 2005: 239, 240, хронол. табл.) и миска с прогнутым бортиком и заметно выступающим ребром (того же типа, что и в погребениях СК-2 № 291в, Л-3 № 38 и № 67). Весь набор инвентаря, включающий также железные наконечник копья (того же типа, что и в погребении Л-3 № 13, но с короткой втулкой) и колчаный крюк, совершенно типичен для погребений с «прикубанскими» амфорами, только доминирующее место амфоры занимает красноглиняный кувшин (рис. 6).

В целом, инвентарь, сопутствующий амфорам «прикубанской» серии, соответствует II в. до н.э. Для трёх из публикуемых комплексов по наборам инвентаря можно предложить довольно надёжную датировку в пределах последней четверти столетия – это погребения СК-2 345в, Л-3 № 13 и № 30 с амфорами *варианта II-A*. К этому же периоду ранее мы относили и погребение СК-2 № 291в с амфорой *варианта II-B* (Лимберис и др. 2011: 269, № 13). Однако широкая хронология большинства меотских сосудов из этого погребения ставит под сомнение прежнюю узкую датировку, которую, как мы теперь считаем, следует расширить до второй половины II в. до н.э. В этих пределах датируются и ограбленные в древности погребения Л-3 № 38 и № 67 с амфорами *варианта II-B*, где присутствовала только керамика, не имеющая конкретных хронологических признаков, а также Л-3 № 83/86. В последнем погребении амфора находилась в заполнении могильной ямы, а при скелете сохранились только бусина из бесцветного стекла (Алексеева 1978: 69, тип 96) и фрагментированное бронзовое проволочное височное кольцо.

Общая хронология известных в настоящее время комплексов с амфорами «прикубанской» серии **типа II** позволяет уверенно говорить о том, что в период со второй четверти до конца II в. до н.э. к меотам правобережья Кубани регулярно поступало вино из какого-то неизвестного нам центра (Лимберис и др. 2011: 266–271). Когда-то С.Ю. Монахов предполагал, что этим центром может быть Иония – район Хиоса и его окрестности (Монахов 1999: 557).

Очень похожую (по рисунку и описанию) на «прикубанскую» амфору из погребения № 14 некрополя Елизаветинского городища (раскопки В.А. Городцова 1935 г.) И.Б. Зеест относил к «местным елизаветинским II в. до н.э.», отмечая сходство по профилировке ручек, по структуре и составу глины с «кубанскими гончарными изделиями» (Зеест 1960: 65, 107–108, табл. XXV, 57). Действительно, неожиданным (если не сказать, интригующим) является то обстоятельство, что по технологическим признакам амфоры «прикубанской» серии практически совпадают с красноглиняной керамикой из меотских погребений, как считается, в основном, боспорского происхождения. По этой технологии изготовлены не только миски и кружки, но и большие красноглиняные кувшины (нередко с ручками похожей профилировки), занимавшие в погребении место амфоры. Поэтому ранее нами было высказано предположение о возможной связи «прикубанской» тары с азиатским Боспором (возможно, даже с несколькими центрами), где в эпоху эллинизма активно развивалось товарное виноделие (Лимберис и др. 2011: 272). К сожалению, в настоящее время подтвердить или опровергнуть это предположение на основании каких-то конкретных данных не удаётся.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева 1978 – Алексеева Е.А. 1978. *Античные бусы Северного Причерноморья / САИ (Г1-12)*. – 100 с., 34 табл.
- Анфимов 1951 – Анфимов Н.В. 1951. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. *МИА (23)*, 155–207.
- Беглова 1989 – Беглова Е.А. 1989. Погребальный обряд Уляпских грунтовых могильников в Красногвардейском районе. *Меоты – предки адыгов / Н.В. Аутлев (отв. ред.). Майкоп*, 140–157.
- Беглова, Эрлих 2018 – Беглова Е.А., Эрлих В.Р. 2018. *Меоты Закубанья в сарматское время (по материалам Тенгинского грунтового могильника)*. М.; СПб.: Нестор-История. – 384 с.
- Бочковой и др. 2005 – Бочковой В.В., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2005. Погребения с амфорами из могильника городища Спорное. *МИАК (5)*, 172–218.
- Древности... 2014 – Древности «Долины яблонь». Каталог выставки. 2014. М.: ГМВ. – 144 с.
- Зеест 1960 – Зеест И.Б. 1960. *Керамическая тара Боспора / МИА (83)*. – 179 с., ил.
- Каменецкий 1994 – Каменецкий И.С. 1994. Сероглиняные миски Пашковского VI городища. *Боспорский сборник (5)*. М., 5–58.
- Лимберис 1988 – Лимберис Н.Ю. 1988. Конские погребения из могильника городища № 3 у хутора имени Ленина. *Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа / В.Б. Виноградов, А.В. Гадло и др. (ред. колл.)*. Краснодар: КубГУ, 35–54.
- Лимберис, Марченко 2005 – Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2005. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани. *МИАК (5)*, 218–324.
- Лимберис, Марченко 2006 – Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2006. Типология и хронология курильниц из меотских могильников Прикубанья. *МИАК (6)*, 134–151.
- Лимберис, Марченко 2006 – Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2006. Типология и хронология меотских железных наконечников копий из памятников правобережья Кубани. *МИАК (6)*, 152–181.
- Лимберис, Марченко 2012 – Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2012. *Меотские древности VI–V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани)*. Краснодар: Традиция. – 316 с.
- Лимберис, Марченко 2012 – Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2012. Меотские дротики. *Золото, конь и человек*. Сборник статей к 60-летию А.В. Симоненко. Киев: Скиф, 411–416.
- Лимберис, Марченко 2019 – Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2019. Погребения с мечами с кольцевым навершием из могильника меотского городища Спорное. *Stratum plus (4)*. 189–209.
- Лимберис и др. 2011 – Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., Монахов С.Ю. 2011. Новая «прикубанская» серия эллинистических амфор. *АМА (15)*. 265–276.
- Малышев 2007 – Малышев А.А. 2007. Погребальный инвентарь Раевского некрополя. *Юго-восточная периферия Боспора в эллинистическое время: по материалам Раевского некрополя / Некрополи Черноморья (I)*. М.: Гриф и К, 142–176.
- Малышев 2008 – Малышев А.А. 2008. Погребальный инвентарь Цемдолинского некрополя. *Аспургинане на юго-востоке азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя / Некрополи Черноморья (II)*. М.: Гриф и К, 136–180.
- Малышев 2011 – Малышев А.А. 2011. Погребальный инвентарь некрополя в Широкой Балке. *Население предгорий Северо-Западного Кавказа в римскую эпоху / Некрополи Черноморья (IV)*. М.: ИА РАН, 242–302.
- Марченко 1996 – Марченко И.И. 1996. *Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани)*. Краснодар: КубГУ. – 237 с.
- Монахов 1999 – Монахов С.Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э.* Саратов: изд-во Саратовского ун-та. – 680 с., илл., прил.
- Монахов 2003 – Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель*. Москва; Саратов: изд-во «Киммерид», изд-во Саратовского ун-та. – 352 с.
- Эрлих 2015 – Эрлих В.Р. 2015. Зеркала археологического комплекса Псенафа. *V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье / Р.Б. Схатум, В.В. Улитин (ред.)*. Краснодар: ООО «Вика-Принт», 307–320.
- Limberis et al. 2013 – Limberis N.Yu., Marčenko I.I., Monachov S.Ju. 2011. Une nouvelle série d'amphores hellénistiques: le type "Kouban". *Production et Commerce Amphoriques en Mer Noir. PATABS (III) / L. Buzoianu, P. Dupont, V. Lungu (eds.)*. Constanța: National History and Archaeology, 165–184.
- Marčenko, Limberis 2007 – Marčenko I.I., Limberis N.Ju. 2008. *Römische importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes / Simonenko A., Marčenko I.I., Limberis N.Ju. Römische importe in sarmatischen und maiotischen Gräben / Archäologie in Eurasien (25)*. Mainz, 265–400 s., 222 taf.

1. Миска с/г
2. Амфора
3. Кружка с/г
4. Курильница лепная
5. Канфар с/г
6. Горшок с/г
7. Горшок лепной
8. Нож железный
- 9, 10. Наконечники дротиков
11. Фр-т кольца бронзового

Рис. 1. Могилиник Старокорсунского городища № 2, погребение № 291в: 1 – план погребения; 2 – игла; 3 – курильница; 4 – нож; 5 – крышка; 6 – кружка; 7 – канфар; 8, 9, 15 – наконечники дротиков; 18 – амфора; 11 – миска; 12 – горшок; 13 – горшок (2, 4, 8, 9, 15 – железо; 3, 13 – керамика лепная; 5–7, 11–13 – керамика сероглиняная)

1. Миска с/г
2. Бусы
3. Кольцо височное бронзовое
- 4, 5. Горшки лепные
6. Амфора
7. Курильница лепная
8. Светильник с крышкой
9. Пряслище с/г
10. Нож железный
11. Зеркало бронзовое

Рис. 2. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение № 345в: 1 – план погребения; 2 – зеркало; 3 – пряслище; 4 – кольцо височное; 5 – нож железный; 6 – чашечка с крышкой; 7 – миска; 8 – курильница; 9, 10 – горшки; 11 – амфора (2, 4 – бронза; 3, 6, 7 – керамика сероглиняная; 9, 10 – керамика лепная)

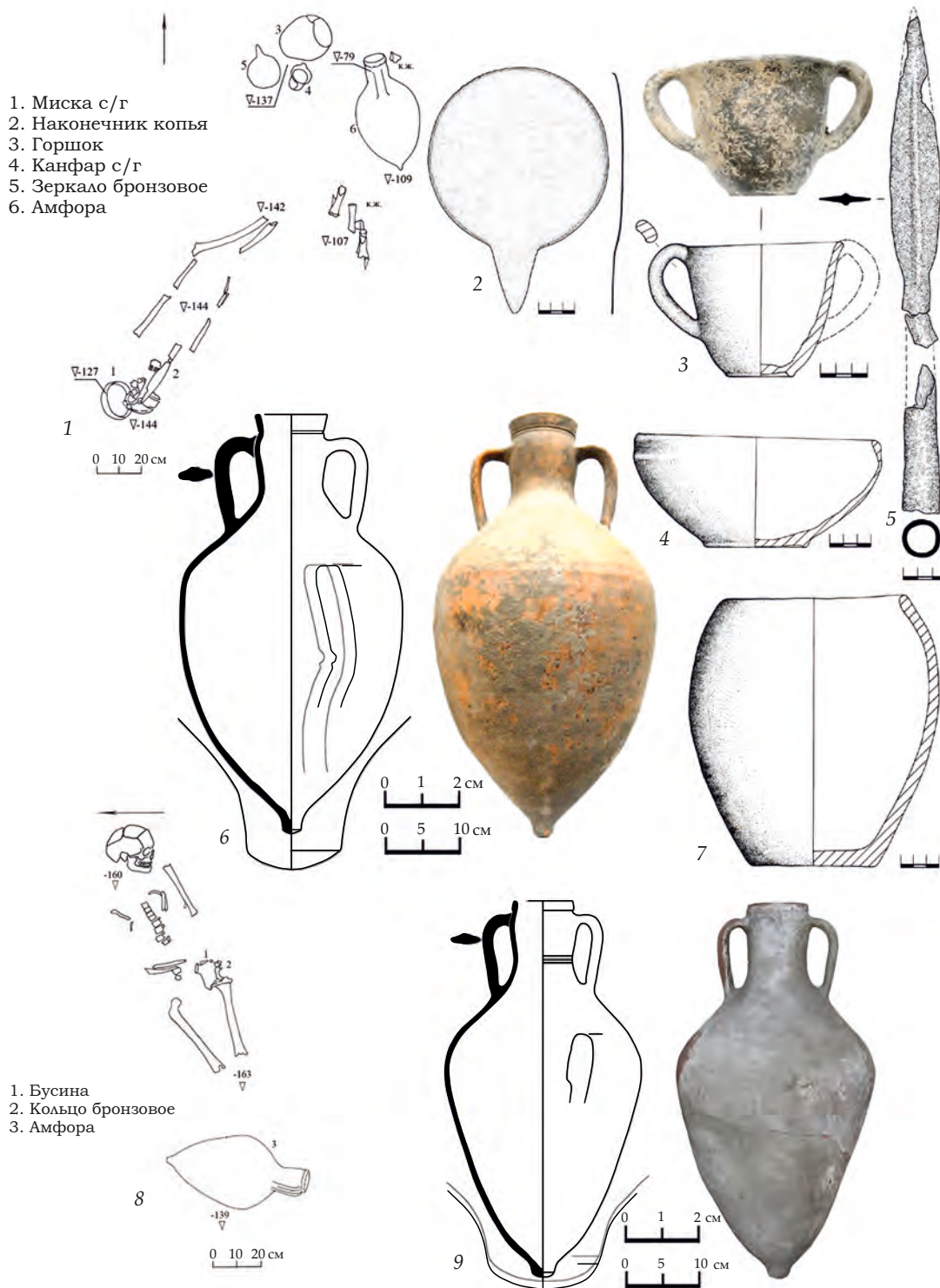

Рис. 3. Могильник городища № 3 хут. Ленина. Погребение № 13: 1 – план погребения; 2 – зеркало бронзовое; 3 – канфар сероглиняный; 4 – миска сероглиняная; 5 – наконечник копья железный; 6 – амфора; 7 – горшок лепной. Погребение № 83/86: 8 – план погребения; 9 – амфора

Рис. 4. Могильник городища № 3 хут. Ленина, погребение № 30: 1 – план погребения; 2 – серьга; 3 – канфар; 4 – зеркало; 5 – миска, 6 – амфора, 7 – светильник с крышкой; 8 – горшок лепной (2, 4 – бронза; 3, 5, 7 – керамика сероглиняная)

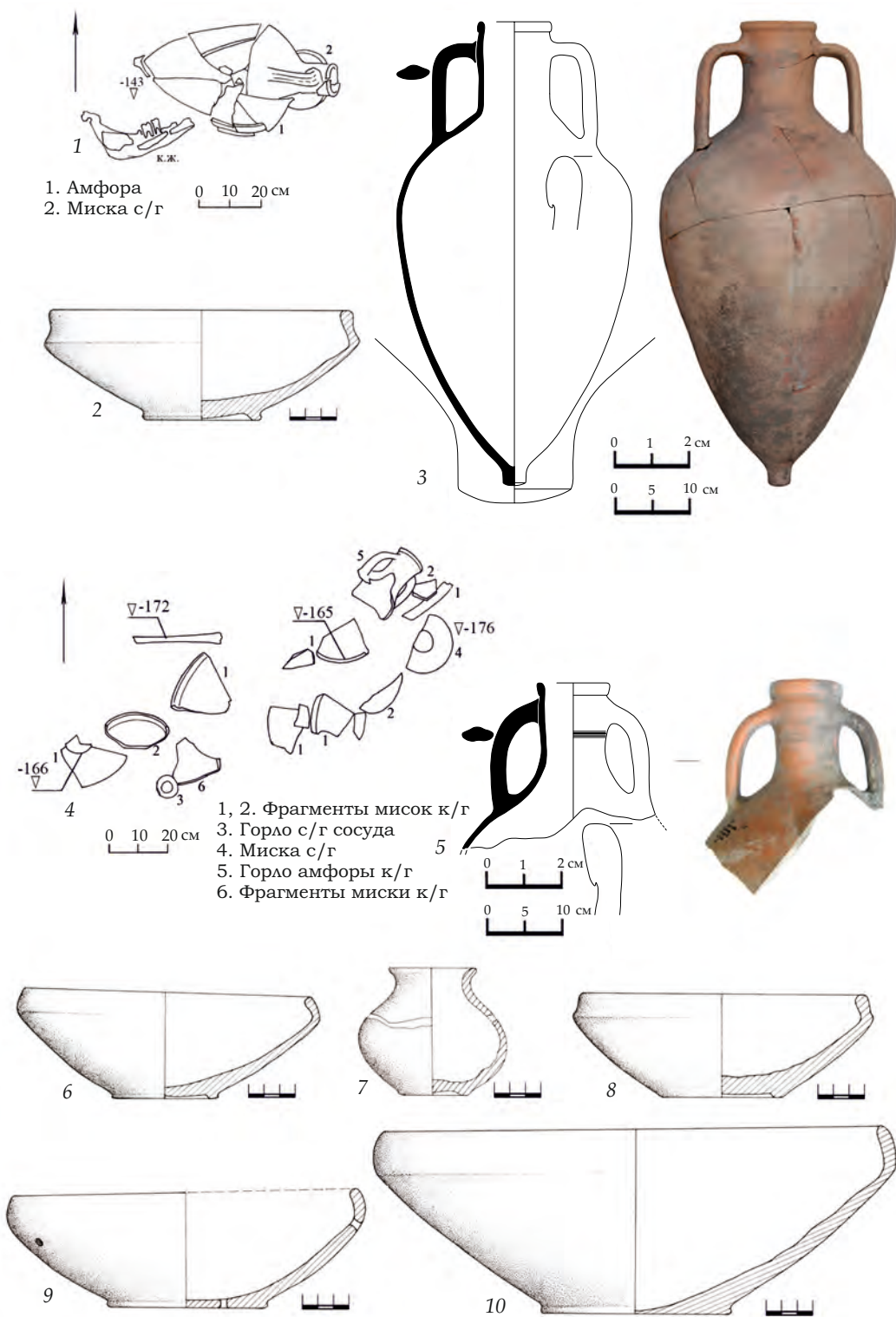

Рис. 5. Могильник городища № 3 хут. Ленина. Погребение № 38: 1 – план погребения; 2 – миска сероглиняная; 3 – амфора. Погребение № 67: 4 – план погребения; 5 – верхняя часть амфоры; 6, 8–10 – миски красноглиняные; 7 – сосуд сероглиняный

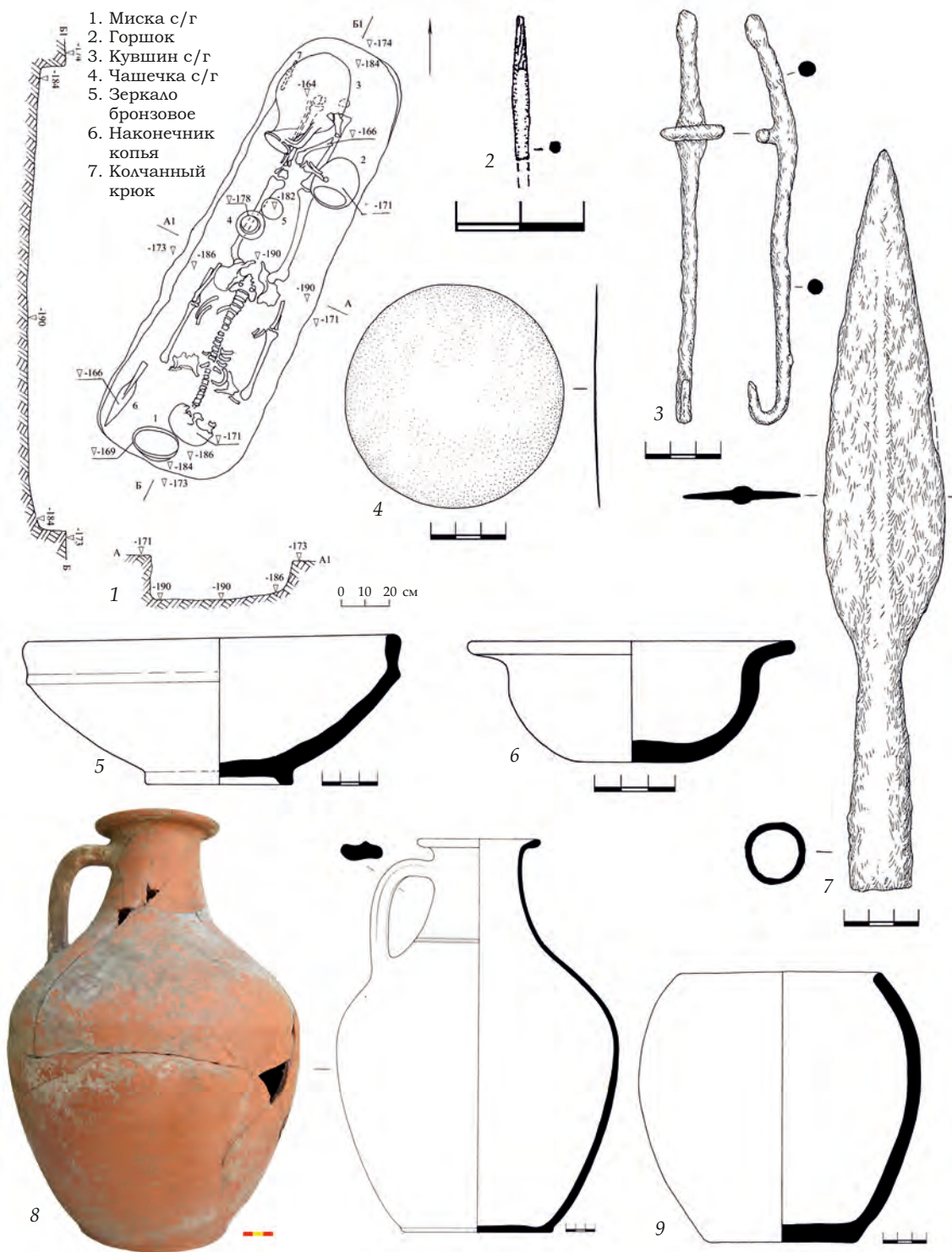

Рис. 6. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение № 384в: 1 – план и разрезы могильной ямы; 2 – шило; 3 – колчаный крюк; 4 – зеркало бронзовое; 5 – миска; 6 – чашечка; 7 – наконечник копья; 8 – кувшин красноглиняный; 9 – горшок лепной (2, 3, 7 – железо; 5, 6 – керамика сероглиняная)